

Игорь
СОХАНЬ

Я

и

Точка зрения
агностического
персонализма

МЫ

Игорь Сохань

**Я и мы. Точка зрения
агностического персонализма**

«Алетейя»

2017

УДК 141
ББК 87

Сохань И. П.

Я и мы. Точка зрения агностического персонализма /
И. П. Сохань — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-11-0

Что такое агностический персонализм? И кто такой персоналист, исповедь которого изложена в этой книге? Песчинка мироздания или необъятная Вселенная? Как связаны между собой персонализм и религия, персонализм и психология, личность и общество? Какое место занимает персонализм в современной философии? Попыткой ответить на эти и многие другие вопросы бытия и является откровенная исповедь автора. Книга будет интересна всем, кого волнуют вопросы современной философии, кто пытается понять, что же такое окружающий мир, и осмыслить свое место в нем.

УДК 141
ББК 87

ISBN 978-5-906910-11-0

© Сохань И. П., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Картина мира и персонализм	7
Персонализм XX века	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Игорь Сохань

Я и мы. Точка зрения агностического персонализма

© И. П. Сохань, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Посвящается друзьям юности

*Что нас связывает: любовь, привычки, общее понимание истины,
обиды, обманы?*

*Кто владеет истиной: Я или ты. Можем ли мы вдвоем, втроем
владеть общей истиной?*

**Я – это Я.
Ты там кто?**

Введение

В данной работе проблема «Я» представлена в том виде, что если Я каким-то образом одно, тогда с ним все понятно, совершенно просто в наивысшем смысле и, можно сказать, божественно: вместе с Я, возвышая себя, мы образуем формальное единство – только Бог и Я. Сложности возникают, когда Я не одно и рядом возникает тождественное Ты и множественное всемогущее Мы. В итоге самопроизвольно порождается из ничего кластер хтонических хаотических обид, включающих любовь, ревность, попытки доминировать, подчинять, обманы, насилие, покорность... «Я», блеснув, моментально начинает тускнеть, усредняться, теряться среди постоянно возникающего подобного.

Персонализм не стал общепризнанной философией.

В этом нет трагедии. Скорее – положительный признак избранности в переносном смысле: не тебя выбирают, а сам выбираешь и гордишься выбором.

Этот текст написан не столько как академический трактат, а с определенным чувством юмора.

Как бы мы ни формулировали свое представление о мире, без юмора (а это весёлый, но серьезный взгляд) не обойтись. В этой книге автор часто говорит о своей собаке, пятилетнем спрингере-спаниеле, за поведением которой он наблюдал в течение пяти лет и размышлял о том, как бы поступил в том или ином случае на месте собаки или как бы собака повела себя в определенной ситуации, будучи автором; отмечал общие моменты и различные, когда понятно поведение собаки, когда спаниель понимает поведение хозяина, а также анализировал заключения по отношению друг к другу.

Это важно в персонализме. Если постоянно сравнивать себя с самыми близкими, незаметно и непроизвольно погружаешься в такую среду, из которой немногие могут выпутаться. При сравнении себя с близкими – братом или сестрой, папой или мамой, с сослуживцами, коллегами, школьными друзьями – человек ощущает вначале что-то теплое-теплое, потом что-то нечистое (вроде как незачем сравнивать себя с ними, поскольку люди-то разные и сравнение ничего не добавляет, но если не с ними, с кем же тогда?) Большинство наших близких в полноценном смысле нам не близки. Родственники обычно чужды по духу, а друзья по духу зависимы от обязательств и бывают преимущественно связаны со своими родственниками. Дружить легко и просто в юности, когда молодая особь отдалась и освободилась от обязательств по отношению к семье, но еще не имеет обязательств в семье новой. Легко дружить на службе. Классический пример дружбы разновозрастных людей на службе – четыре мушкетера в известном романе Дюма. Со временем друзья разбрелись: одни по своим поместьям, другие остались на службе, и картина мира этих друзей (литературных героев) лишилась многих совпадений. В персонализме дружба имеет огромное значение, поскольку именно друзья живут максимально подобной картиной мира. У нашего брата и сестры, папы и мамы, жены или мужа, дочери или сына может быть совершенно иная картина мира, и тогда жить с ними со временем становится все сложнее и в результате почти невыносимо, пока не появится то, что может опять так или иначе сблизить: горе, беда, болезнь, радость, рождение, общее дело.

В первой части данной книги мы будем говорить об истине, поскольку именно внутренний разговор об истине – это постоянная порождающая составляющая персонализма. К счастью, истина – такое понятие, о котором можно рассуждать бесконечно.

Картина мира и персонализм

Картина мира – это внутренний мир, микрокосм, включающий в себя все, что мы помним, что можем вспомнить, наши привычки, убеждения, любовь и отвращение, все, чем мы живем или жили, включая неосознанное, потаенное и неназванное, запахи и вкусы.

Микрокосм – малая вселенная. Так думали в древнее время, когда индивидуальность не приобрела столь высокое значение, как в Новое время. В персонализме, скорее, нужно говорить, что человек – это не малая, а особая вселенная, во многом подобная микрокосмам других людей, но поскольку каждый из нас по-своему любит свое тело, которое является тоже частью нашего микрокосма, размышлять о полном единстве невозможно.

Картина мира – словосочетание, которое было использовано Хайдеггером в его небольшой работе «Время картины мира» (лекция 1938 года). Вот несколько отрывков из этой лекции: «При слове “картина” мы думаем прежде всего об изображении чего-то. Картина мира будет тогда соответственно как бы полотном сущего в целом».

С этим можно согласиться, поскольку мы все художники и рисуем мир по-своему. В персонализме картина мира формируется в голове, в душе, в памяти, во всем нашем «нашем».

«Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. . . Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальные решения относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего».

Хайдеггера цитировать нелегко. Гуссерля тоже непросто. Спасибо переводчикам. Две различные философии, два философа. Это одновременная попытка с разных точек зрения осмыслить и сформулировать на определенном языке процесс познания мира человеком в наивысшей форме: «что мы можем понять в мире и насколько мы сами мешаем пониманию того, что мы называем познанием». Это было очень важным критерием для развития наук в то время. Физика, биология, химия в первой половине XX века должны были получить обоснование сквозь призму должного объяснения: как мы все понимаем этот мир, как передавать знания. Передача знаний – это капитальный вопрос, который имел самые неожиданные решения в разные эпохи. В Новое время, когда возникали цеховые гильдии, передача капитала (навыков и умений) осуществлялась одним образом, в современности – по-иному. К тому же разные страны вопрос передачи капитала решают по-своему.

Знание – тоже капитал. С передачей знания возникла «золотая» проблема. Как ни как – передаем истину, которая, как известно, дороже денег. Деньги дороже золота: золото нужно хранить в Форт-Ноксе, а бумажные деньги сами бегают по миру где хотят и никуда не деваются. Хайдеггер начал дискутировать с учителем Гуссерлем, спустя много лет подключился Сартр, и, если не говорить о всех других мыслителях середины XX века, которые тоже спорили друг с другом, в итоге 99,9 % популяции разумных людей на планете Земля перестали понимать то, о чем они говорят и о чем кто с кем спорит. Произошла офшоризация передачи интеллектуального капитала: так транслируют знание как ценность в университетах, но главное знание передают мудрые мужи на конференциях в самых изумительных уголках земли.

Это нормальное явление в науке. При всей близости гениальности Эйнштейна и Пуанкаре, они жили в разное время. Хотя были современниками в течение какого-то периода, это не значит, что один важнее другого, как нельзя сказать, что Сократ важнее, чем Платон.

Но они по духу друзья! Хотя именно друзья по духу могут изуродовать жизнь один другому (например, история жизни апостола Петра и его друга).

Процесс передачи капитала – сложный сам по себе. В современном мире нужно платить налог на прирост капитала, если не пользоваться исключениями. Знание тоже трудно передать. Любая передача – это риск. Если мы знаем множество способов передачи капитала от одного

человека другому, от одной фирме другой, от одного поколения другому, неужели хорошее знание бега по миру, как деньги уважаемой страны? Капитал прилипает, поскольку мысли, деньги не могут бегать сами по себе. Это неестественно. Мысли прилипают к друзьям.

Проще всего говорить о важном с надежными друзьями.

Друзья нам близки, поскольку у нас с ними не только одинаковые или близкие представления о добре и зле, но примерно равные видения мира и что-то общее важное в нашей памяти. Наши картины мира во многом пересекаются, хотя у нас могут быть различные привычки, убеждения и «друг моего друга не всегда мой друг». Редко друзьями могут быть родители, дети, родственники, соседи, государство.

Персонализм – капризное мировоззрение и предполагает своеобразную сосредоточенность и ответственность, чтобы человек мог остановиться, опомниться, задуматься, переворочить прошлое и решить, кто ему был дорог и является таковым. Дружба всегда в прошлом. Сомневаться в дружбе так же естественно, как в любви, особенно если понимаешь дружбу как филию (φιλία). Каждый день мы видим множество чужих людей, к большинству из них у нас нет никакого чувства любви, но мы постоянно вспоминаем преимущественно только близких друзей. Сомневаться в исключительном значении друзей – неестественно. Друзья нам кажутся вечно близкими, теми, которых трудно заменить. Нельзя даже помыслить, каким может быть наш будущий друг, если посмотреть на окружающих людей. Среди них трудно найти друга с первого взгляда. Память и совместный опыт – важнейшее в дружбе.

Но и близкие друзья могут стать чужими, даже «хуже всех».

Кто в этом виноват? Как можно друга назвать недругом? Но если вскрылось какое-то обидное потаенное прошлое. Ворошить прошлое опасно. Говорят: «Не вороши! У тебя руки и глаза нехороши». Многим хочется покопаться в прошлом жадными руками, чтобы доказать всем, что не ты виноват.

Вороша мертвое прошлое, ничего не найдешь, вороша живое прошлое, только руки обожжешь. Но если не ворошить прошлое – ничего не поймешь.

Прошлое – жалкое ничто до тех пор, пока, оживая, не принуждает к ответственности, пробуждая бывшее, как мы его помним. Некоторые говорят, что если нет человека, то нет и времени. Возможно, звери, которые осенью запасают корм, перелетные птицы и бабочки, ежегодно пролетающие тысячи километров, – это тривиальная реакция на изменение погоды. Но моя собака, привыкшая, что в 9 вечера ее выгуливают, постоянно в это время требует прогулку. Собака не капризная и готова гулять в урочный час при любой погоде. Может быть, у нее есть часы в голове? Скорее всего, моя собака тоже живет по законам времени. Она помнит прошлое, ставшее регулярным, подходит ко мне и, подняв лапу, как бы говорит: «Ну, все, хозяин, пришло время, пора идти меня выгуливать». Впрочем, долговременная память не является отличительной особенностью человека. Белочка зарывает случайное богатство в земле и уже через пять секунд не помнит, куда спрятала, «заханырила свое будущее», орешки, груши или яблочки, но у нее есть долговременная память и она не может заблудиться, ведь помнит, где живет. Люди другие: они помнят все важное, если не вытеснили что-то по каким-то причинам из памяти. Человек не может создать сам свою картину мира, ему нужны помощники: время, память, опыт, размышления и общение, различные точки зрения. В этом смысле его нельзя упрекнуть в недостатках. Человек – это груз памяти о прошлом и крепче всего запоминает обиды: как обижали и как обижал. Человек – это груз памяти о мелкой подлости, которую трудно вытеснить из памяти. Почему человек дольше всего помнит обиды? Это естественное свойство разума? С точки зрения разума важнее запоминать хорошее, чем плохое, тогда изумительная способность человека помнить сильнее плохое – это не безвредный рудимент, который бесполезен в защищенном мире, а бесполезный дарвинизм, который вредит, и его нужно устранить. Душевная потребность человека – почувствовать себя безгрешным, чтобы освободи-

даться от груза подлости, которую человек помнит. В этом забвении прошлого помогают друзья, любимые, постоянная убежденность в том, что ты сам безгрешен.

Человек – это во многом животное существо, но кратковременной памятью трудно манипулировать. Сильная кратковременная память – это, возможно, одно из немногих фундаментальных отличий человека от животного, хотя большинство животных могут быть в эмоциональном смысле значимее человека, поэтому мы так любим своих собак, кошек, лошадей... Человека нужно дрессировать дольше, чем собаку. Чтобы сломать инерцию кратковременной памяти, человека приходится дольше «обрабатывать». Сформированные условные рефлексy все равно могут быть потом легко разрушены соответствующим тренингом (это будет не обучение, а, скорее, разрушение пирамиды памяти прошлого).

Память – это фундаментальное свойство человека. Мы не знаем, как оно формируется, как некоторые события даже без повторения, возможно, силой ассоциативных связей, остаются в памяти человека на десятилетия. Разделение на кратковременную память (от секунды до нескольких минут) и долговременную память (хранит информацию долго, потенциально – всю жизнь) не всегда помогает. Мы не знаем процессы и не можем описать, как информация перемещается из кратковременной памяти в долговременную, есть ли промежуточные виды памяти (они, возможно, и есть, по крайней мере, не как средняя память, а как процесс обработки и формирования и передачи памяти из простой настольной кубышки-копилки в сусеки или потаенные закрома). Эмоциональное состояние тоже влияет на память: когда мы в хорошем настроении, то хуже запоминаем. Человек – капризное существо.

Единственное, что мы не можем отрицать – это ценность памяти как таковой.

Истина – это память + размышления. Размышление – это разговор. Животное тоже всегда сомневается в истине: протянешь руку с угощением, собака будет ждать, принюхиваться, пытаясь понять – приманка дается или угощение. Но животное не будет обсуждать истину с другими (если не называть лай собак в деревне вечером, «собачью брехню», обсуждением истины). Человек в принципе сомневается во всякой истине.

Вот, вот... мы пришли к разговору об истине.

Подобно экзистенциализму и феноменологии, персонализм говорит с каждым вопрошающим как родной, как близкий, поэтому у персонализма такой специфический мягкий, простой, ненавязчивый язык. Персонализм ближе религии и во многом чужд, далек классической философии. Персонализм – это верование, которое принято каждым по праву рождения, как доверие в детстве отцу и матери. Наверное, поэтому персонализм как привычное, понятное и простое мировосприятие оказался в таком пренебрежении другими верованиями и убеждениями, с которыми он, впрочем, не конкурирует и которым не противоречит. О многих философах можно сказать, что они были когда-то в каком-то смысле персоналистами. Для персонализма это ничего не значит, для читателей указывает ориентиры.

Современная философия – это не классическая «любовь-мудрость», *Philo Sophia*. Новое время породило новые отношения. Современная философия – это право распоряжаться определенной мудростью как личной собственностью размышляющего, которая иногда становится общественным достоянием и служит определенным целям. Мудрость необъяснима и неопиcуема, она кружится вокруг истины, как пчелка вокруг цветка, как мотылек вокруг огня.

Общение между людьми построено преимущественно на спорных заключениях в процессе поиска мелкой истины. Человек ищет истину где только может: правильно ли подобран галстук (не только в смысле правильно-неправильно в данном конкретном случае, а как на примере галстука, рубашки и костюма понять истину, как правильно сочетать), правильно ли приготовлено блюдо, правильных ли друзей нашел сын или дочь...

Человек редко думает о высокой истине. Поэтому так сложно понять того, кто постоянно думает о ней.

Мы иногда задумываемся о том, правильно ли исторически сформировалось наше государство, верны ли наши представления о Вселенной. Поиск мелких истин нам важнее каждый день, чем поиск крупной истины, которую искать утомительно, да и в ней все равно будешь сомневаться потом опять и опять каждый день. Человек устал и настолько болен поиском высокой, низкой, средней, мелкой истины, что готов называть истиной все что угодно. Мелкие истины в совокупности важнее крупных, первые заполняют обычно весь наш день. Мы не думаем каждый день о крупных истинах, например, сколько мне платят – больше или меньше, чем должны, друг это мой или недруг, верна ли мне моя жена, мои ли это дети, что сделала для меня моя великая страна, чтобы так требовать и так тяжело наседать на меня, зачем мне это все, если это для меня ничто! Веры нет и не будет, пока идут судорожные и беспорядочные поиски мелких истин: покупать фрукты в этом магазине или только мясо, в этот садик или школу отдать ребенка или в другой, по этой улице ехать, чтобы не сломаться на колдобине или попасть в пробку, или по другой.

Легко принести ребенку калейдоскоп, чтобы он наслаждался, видя необыкновенные узоры, трудно дать телескоп с диаметром зеркала 6,5 метра. Поскольку в первом случае мы делимся веселыми наблюдениями, развлекаемся, услаждаемся, а в другом – пытаемся передать истину, чтобы близкий человек посмотрел и согласился, принял, поверил.

Вот, вот... Если зашел разговор об истине, нужно порассуждать о вере. Истины без веры не бывает, поскольку рано или поздно на какое-то время мы должны поверить во что-то, чтобы прекратить искать истину в определенном направлении (например, согласиться с мнением большинства, что к этому костюму и рубашке идет только этот галстук; что в нашей стране лучше президентская, а не парламентская республика; что видишь в бинокль не одну звездочку, а двойную звезду, которую можно заметить только с помощью телескопа с диаметром зеркала 6,5 метра. После этого поиск истины прекращается, пока не возникнут новые обстоятельства: купили новую рубашку, поменялся лидер государства, мы постарели или получили доступ к новому телескопу.

Мы доверяем друзьям, пока нас не предали, нам легче искать истину с друзьями и охотнее всего мы делимся с ними. Это не значит, что друзья всегда и во всем нас понимают лучше других.

В персонализме все истины субъективны, только конфликты более-менее объективны.

Вот, вот... Если говорим о вере, нужно раскрыть настоящую истину об обмане.

Нет обмана без самообмана. Если не научишься и не привыкнешь обманывать сам себя, никто не обманет. Если не научился искать истину в согласии с самим собой, с другими тоже не найдешь.

Впрочем, можно сказать и противоположное: самообман – это не обман, а этап поиска истины. В самообмане нет веры, обмана, но истины тоже нет, только мелкое кратковременное наслаждение. Самообман – это защита от обмана в надежде, что лучше самому себя обмануть, чем позволить себя обмануть.

Персонализм – это бесконечный разговор об истине, когда вежливо и брезгливо сторонись обмана, понимая, что все равно рано или поздно споткнешься и обгадишься в поисках истины, пытаешься найти ее вместе с другими. Концепция персонализма противоречива и не позволяет найти истину, тем более если ищешь один, поскольку истина должна быть твоя, но не может быть или не быть общей, а только одновременно общей и твоей. Это противоречие невозможно снять в персонализме никаким образом, поэтому истина всегда останется водоразделом между «Я» и «мы».

В поиске истины важна не сама находка, которой, скорее всего, нет, а передача видения истины от одного человека к другому: Сократ – Платон, Спиноза – Декарт, Кант – Гегель, Гуссерль – Хайдеггер, как это постоянно происходит в мире в поисках мелких истин: от отца к сыну, от старшего брата младшему, от опытной сестры или подруги к неопытной.

Истина – это умение понять другого, разговаривая об одном и том же. Другими словами, умение разговаривать с другим об одном и том же.

Истина – не цель, это одновременно лекарство от болезни и сама болезнь. Эта уравновешенность очень важна. Каждый раз истиной нужно переболеть, как гриппом, и не пытаться поскорее вылечиться. Истина живет рядом с нами, она всегда возле человека, как вирусы, как птицы и звери, ее трудно поймать голыми руками. В горной реке медведь ловит рыбу, плывущую на нерест, лапой, человеку трудно поймать рыбу в воде рукой. Поэтому он придумал удочки, рыбные сети, приманки, чтобы ловить рыбу лучше, чем медведь. Удочка – не лапа, это инструмент, как рычаг, который помогает поднять неподъемные тяжести, как колесо, помогающее перемещать объекты, которые без него не передвинешь. Инструментальность мышления помогла человеку вырваться из природы и позволила создать свой собственный человеческий мир. Это другой мир, не природный, где человек добыл право распоряжаться сущим, в этом можно полностью согласиться с Хайдеггером. Однако человек по-прежнему живет в природном мире, в котором его могут съесть, уничтожить, унижить и разрушить его внутренний мир таким образом, что ничего святого, дорого и любимого не останется. Мир человека сложнее мира животного, поэтому люди легко готовы опуститься в мир «простых истин» и устоявшихся рутинных ритуальных отношений. Каждый из нас испытывал «стадный зов бежать, как все».

Таким образом, мы представили персонализм, не являющийся бабочкой, лекарством, мудростью. Мудрый человек, который так или иначе близок к истине и говорит о ней, может быть похож, например, на бабочку или мотылька. Но бабочка, мотылек и мудрец все же не могут стать эмблемой и тем более эмбрионом персонализма.

Персонализм – это капризная абсолютная убежденность в том, что ты есть. В отличие от других убеждений, это не нужно доказывать. (Спасибо индивидуализму). Сознание, бытие, существование не могут строиться на свидетельствах и доказательствах, хотя иначе их не так просто определить. Персонализм – это единственная привилегия человека, которому ничего не нужно доказывать, несмотря на то, что человек именно этим всю жизнь занимается. (Прости, Гуссерль, спасибо, Фрейд). Персонализм – это презумпция невиновности человека. Я есть. И ничего не нужно доказывать. Это плохо. Поскольку доказывать все-таки придется. Это отличается от “*Cogito ergo sum*” Декарта. Человек ищет, и если не нашел, обнаружит то или иное доказательство своего привилегированного положения, чтобы не думать, но распоряжаться сущим. Это такая душевная болезнь человека. Нельзя сказать – плохая или хорошая, по-разному бывает. Чтобы не думать каждый раз, нужно научиться передавать знания. Это создает проблему для человека: тот, кто приобретает знания, кардинально отличается от того, кто передает. Поэтому знания передаются всем, но принимаются и усваиваются не каждым.

Приобретение знаний и передача знаний – это разные вещи. Животное нацелено на получение, но не на передачу знаний. Человек «заточен» на передачу. Даже если человек не работает учителем в школе, профессором в университете, он все равно старается так или иначе передать свои знания, свой опыт близким: надоедает советами детям, жене-мужу, друзьям-подругам, сотрудникам, соседу в поезде... Человек постоянно пытается формализовать свой опыт таким образом, чтобы его можно было передать другим. Но чтобы передать опыт, необходим тот, кто готов выслушать, прочесть и принять – музыку, стихи, нравоучения, исповедь, советы, пожелания... Формализовать опыт, чтобы он был понятен другим, – чрезвычайно сложное занятие. В русской культуре князь Курбский в переписке с Иваном Грозным и протопоп Аввакум – это, наверное, самые выдающиеся советники, понять которых очень трудно, поскольку они использовали свой личный язык, непонятный большинству. Помимо желания нравоучения, у человека есть еще одна особенность, которая роднит нас с животными.

Культура помогает нам передавать знания. Но Курбский и Аввакум смогли передать знания вне культуры, и тут работает второй уровень культуры, перевод, когда можно «перевести на современный язык» то, что писали знаменитые предки.

Это очень важная роль культуры. Пройдет 500 лет – и все равно рано или поздно поймут, что ты говорил. Люди писали свои письма, дневники свободно, хотя мы должны и в наше время понимать, представлять их чувства.

Переводчик – это червь, который использует тебя, когда ты умер.

Самое главное для человека, чтобы его никто не трогал. Это такое животное чувство в нас. Затаиться. Оказывается, что добиться, чтобы тебя никто не трогал (на животном языке – не угрожал съесть) – самое сложное. Но труднее достичь, чтобы не трогали так, как ты не хочешь. Мир все же устроен таким образом, что легко избежать одного способа, но невозможно игнорировать все возможные методы. Значит, надо смириться, что другие люди тебя трогать будут. И это самое интимное и интересное в жизни. Персонализм размышляет о том, как, почему и зачем мы вынуждены сталкиваться с другими людьми, можно ли жить без этого и что нам дает прикосновение других?

В книгу включены две работы, написанные в разное время, в которых автор размышляет, как примирить человека с самим собой, поскольку сделать это можно только посредством других, не всегда приятных людей. Как их принять, оставаясь самим собой, даже не зная, кто ты сам?

Персонализм XX века

Персонализм был преимущественно религиозным и социалистическим. Даже примитивного агностического персонализма не существовало.

Персонализм не был какой-то философской доктриной, направлением в философии. Он являлся калейдоскопом личностей при всем уважении к тому, что сделали многочисленные школы персонализма попутно с классиками персонализма.

Николай Бердяев, русский философ, один из творцов русского религиозного возрождения, прожил вторую половину жизни во Франции и был самым ярким персоналистом, хотя его и причисляют к экзистенциалистам. Работа Бердяева «Смысл творчества», изданная в 1916 году, не оказала большого влияния на культуру, но подействовала на самого Бердяева, который остался приверженцем открытой им истины о значении творчества. Николай Александрович говорил о творческом начале в человеке так восторженно и увлеченно, словно стоял на цыпочках. В этом он был скорее экзистенциалист, который вслушивается в свои страхи и заботу. Персоналист не стоит на цыпочках. Естественно, Бердяев всегда говорил об истине: «Цель философского познания совсем не заключается в познании бытия, в отражении в познающем действительности, – цель – в познании истины, в нахождении смысла, в осмысливании действительности»; «Где же искать критерий истины? Слишком часто ищут этот критерий в том, что ниже истины, ищут в объективированном мире с его общеобязательностью, ищут критерий для духа в материальном мире»; «У Фихте индивидуальное “я” лишь часть великого целого. Личность исчезает в созерцании цели. “Я”, с которого Фихте начинает свой путь философствования, не есть индивидуальное “я”. Для него индивидуальный человек – инструмент разума. В этом Фихте отличается от Канта, единственного из великих идеалистов в германской философии, который был близок к персонализму. Гегель – самый крайний антиперсоналист. Думать для него значило привести в форму универсального... Также антиперсоналистом, хотя и по-другому, был Шопенгауэр. Немецкий идеализм пожертвовал душой для абсолютного духа. Философия абсолютного духа началась с провозглашения автономии человеческого разума. Она кончилась отрицанием человеческой личности, подчинением ее коллективным общностям, объективированным универсалиям» (Бердяев Н. А. *Царство Духа и царство Кесаря*. М.: Республика, 1995. С. 186, 188).

Эммануэль Мунье, французский персоналист, социалист, католик, издавал с 1932 года журнал *Esprit*, вокруг которого объединились единомышленники, в 1936 году опубликовал классический труд «Манифест персонализма». Мунье придал персонализму публичность, узнаваемость. С подачи Мунье персонализм раскрасился, как пасхальные яички, как рождественские лампочки и гирлянды. Все, кто интересуется персонализмом, в первую очередь должны прочесть манифест Мунье, в котором он общается с молодежью как близкий и равный. «Мы называем персоналистским всякое учение, всякую цивилизацию, утверждающие примат человеческой личности над материальной необходимостью и коллективными механизмами, которые служат опорой в ее развитии»; «...для нас персонализм – это только общезначимый пароль, суммарное обозначение, подходящее для различных учений, которые, однако, в той исторической ситуации, в которой мы находимся, могут приходить к согласию относительно лишь элементарных физических и метафизических условий (возникновения) новой цивилизации. Таким образом, персонализм не заявляет об утверждении новой школы, открытии еще одной часовни, изобретении новой замкнутой системы. Он свидетельствует об общем волеизъявлении и, не касаясь имеющегося здесь разнообразия, ставит себя ему на службу, чтобы вести поиск средств, дающих возможность эффективно воздействовать на историю. Следовательно, мы должны бы употреблять множественное число, говорить о различных формах персонализма... Наша ближайшая цель состоит в том, чтобы... определить совокупность

первичных принципов согласия, которые могут стать основанием цивилизации, посвящающей себя человеческой личности. Эти принципы согласия должны в достаточной мере опираться на истину, чтобы...» (*Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 269*).

Бердяев, Мунье, другие философы социалистического или христианского персонализма восклицали лозунги, утверждая, что человек богоравен, социален и только так нужно относиться к человеку и строить цивилизацию вокруг него, а не вокруг наживы, неравенства, денег, войн, торжества насилия над единичной личностью, как раньше до этого тысячелетия развивалась цивилизация. Можно возразить, что Человек богоравен не тогда, когда слаб и вопрошает «Боже, зачем ты оставил меня!», а когда силен (а человек силен всегда, как видно уже десять тысяч лет). Это считается ересью с точки зрения других мировых религий, но позволило христианству породнить человека с богом в русле древнегреческой традиции, Прометей вылепил человека из глины, Геракл после десяти подвигов стал бессмертным и равным богам человеком.

Папу Иоанна Павла II также можно смело назвать одним из великих персоналистов XX века. Он говорил: «Считают, что молитва – это *беседа*. В беседе всегда есть “я” и «ты»; в данном случае “Ты” пишется с большой буквы. Первоначальный опыт молитвы учит, что “я” здесь преобладает. Потом мы убеждаемся, что на самом деле всё иначе. *Преобладает “Ты”, в котором берёт начало наша молитва*».

Сказано абсолютно персоналистично.

Отдельно стоит Берtrand Рассел, математик, позитивист, агностик! Его мысли близки агностическому персонализму, но он жил в другую эпоху между двумя мировыми войнами, был социалистом, математиком, атеистом, хотя и называл себя агностиком. Вот что он говорил:

«– Кто такой агностик?»

– Агностик считает невозможным познать истину в вопросах существования Бога или вечной жизни, с которыми связано христианство и прочие религии. Или, если это и не невозможно вообще, то, по крайней мере, не представляется возможным в настоящее время»¹.

С этим согласится персоналист, хотя и поправит, что вместо слов «считает невозможным» лучше говорить «не считает возможным»... Вера должна корениться в убеждениях. Однако при равных убеждениях вера может быть разная.

С чем не согласится персоналист, так это с Расселом, который говорит об агностике и называет его «он»: «Что касается греха, *он* (т. е. агностик) считает это понятие (греха) бесполезным. *Он, агностик*, разумеется, допускает, что какое-то поведение может быть желательным, а какое-то нет, но *он* считает, что наказание за нежелательное поведение может быть лишь средством исправления или сдерживания; оно не должно налагаться лишь постольку, поскольку зло, само собой разумеется, должно страдать. Именно эта вера в карательные меры и привела к возникновению ада. Понятие греха принесло много вреда, в том числе и это».

Понятие греха можно использовать во вред человеку: манипулировать человеком, используя греховность и все, что связано с этим: поведение, убеждения, культуру, пищу, одежду... (Проще, конечно, манипулировать чем-то искусственно возвышенным, что так или иначе выросло в человеке).

Достоинство христианства в том, что за две тысячи лет понятие греховности стало внутренним неискоренимым убеждением христианина, а не повиновением внешним требованиям. Это, возможно, единственная мировая религия, которая не требует, чтобы верующий хоть чем-то отличался внешне от неверующего. Данное неформальное требование, которое было принято всеми, сформировало огромные преимущества убеждениям, поскольку никакая иная религия даже близко не подошла к решению основных вопросов, которые беспокоят верующих. Конечно, служитель культа всегда отличался внешне от прихожанина, но верующий от

---

¹ Рассел Б. История западной философии. СПб.: Академический Проект, 2009.

неверующего в обыденной жизни не должен отличаться, иначе... Мы знаем, что может произойти.

Многие приняли новое верование и готовы были, скорее, жить рядом с христианами, чем в другом мире. Понятие греха – это краеугольный камень в развитии мира. Если бы не было этого краеугольного камня – понятия и осознания греха, постоянного размышления и оценки – мир был бы сейчас другим. Понятие греховности – ключевой момент в христианской цивилизации, об этом думали миллиарды людей последние 2000 лет. Мы можем только воскликнуть «Браво!!!» тем, кто не забывал о греховности и не стесывал это понятие до размера зубочистки или палочек для еды.

В работе «Счастье и грех» (*Игорь Сохань. Счастье и грех. СПб.: Алетейя, 2014*) автор сравнивал путь жизни человека, который считает себя греховным относительно своих координат греховности, с жизненной дорогой тех, кому нравится считать себя безгрешными. Понимание греха важно для человека. Если не копать каждый день в своих грехах, а жить как лунатик, не на этой Земле, а на вымышленной, никому-больше-ненужной, нет и не может быть никакой связи человека с человеком. Только подспудное понимание нами нашей греховности позволяет нам хоть как-то общаться друг с другом и относиться один к другому как человек к человеку. Только грех и понятное всем значение греха – общее между нами. Любить можно свою собаку или лошадь, и в этом нет ничего общего. Любовь к ближним, как она нашла выражение в XX веке, социальность, «социалистичность» создали «поколение безгрешных» (см. «Счастье и грех»), когда человек при всей своей естественной природе *Достоевского* попытался показать всем, что может жить как романтик Новалис, как «грустный добрый Байрон», как будто возможно невозможное и мы все, понимая категорический императив Канта, имеем мужество постоянно всю жизнь придерживаться, воздерживаться от плохого и нехорошего, о чем писали Фрейд, Ницше и даже не только Достоевский, а также гуманист Лев Николаевич Толстой в повестях «Крейцера соната» и «Смерть Ивана Ильича».

Человек грешит постоянно, что бы он ни делал: даже если не курит, не пьет и не увлекается плотскими радостями, он все равно грешит, живя согласно своей природе, и изменить это не может. Все, что человек может, – это закрыть глаза и придумать, как нужно успокаивать себя, твердя «Я хороший, я хороший, я хороший».

Поскольку персонализм не стал канонической философией, мы вправе говорить о нем неформально, как о том, что рождается.

Цель данной работы – возродить интерес к персонализму.

Соответственно нашему времени, мы будем говорить о персонализме без привязки к каким-то конфессиональным или политическим пристрастиям, то есть будем обсуждать агностический персонализм. В этом есть своя правда, поскольку ребенок начинает познавать мир еще в чреве матери, когда у него нет определенных религиозных и политических предпочтений, хотя он уже личность, возможно, на пятом месяце эмбрионального развития слышит звуки, запоминает их, работает руками и ногами и порой чувствительно досаждают матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.